

ВЕРНЕР ФОН ХЕЙДЕНСТАМ

БРАТЯ

Вернер фон Хейденстам
Братья

«Public Domain»

1899

фон Хейденстам В.

Братья / В. фон Хейденстам — «Public Domain», 1899

«Жили-были два брата, такие бедняки, что, когда им пришлось пуститься в путь-дорогу, у них оказался всего один плащ на двоих. Милую за милую шли они с палками в руках и с котомками за плечами по дороге в Упсалу. И уже свечерело, когда они подошли к городу настолько, что завидели замок и соборную колокольню; на небе клубились облака, сбитые в кучу первыми осенними бурями. Братья завернулись в общий плащ и устремили детски чистые, открытые, полные ожидания глаза навстречу всему новому, неизведанному. Но на душе у них было не радостно, – тревога теснила их сердце. Шагая по дороге, они невольно сравнивали себя с Каином и Авелем, земледельцем и пастухом, которые шли к своим жертвенникам...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Вернер фон Хейденстам

Братья

Жили-были два брата, такие бедняки, что, когда им пришлось пуститься в путь-дорогу, у них оказался всего один плащ на двоих. Милую за милей шли они с палками в руках и с котомками за плечами по дороге в Упсалу. И уже свечерело, когда они подошли к городу настолько, что завидели замок и соборную колокольню; на небе клубились облака, сбитые в кучу первыми осенними бурями. Братья завернулись в общий плащ и устремили детски чистые, открытые, полные ожидания глаза навстречу всему новому, неизведанному. Но на душе у них было не радостно, – тревога теснила их сердце. Шагая по дороге, они невольно сравнивали себя с Каином и Авелем, земледельцем и пастухом, которые шли к своим жертвенникам.

– Из нас-то ни один не станет братоубийцей, – сказал старший брат по имени Фабиан. – И если бы Каин без устали подбрасывал в костер топливо, и от его жертвы повалил бы дым к небу. Так толковал это место в Библии наш отец.

Фабиан был высокого роста и узок в плечах, а лицо его казалось иссохшим и старым рядом с кудрявой головой младшего брата. Того звали Эриком и, несмотря на тяжесть на сердце и тревогу в душе, он то и дело на ходу утолял донимавший его голод яблоками из своего запаса в котомке. А то вдруг останавливался, снимал шапку и кланялся чужому городу.

Но, когда они дошли до городской заставы и услышали вечерний звон, и он стал серьезен. Братья уже не решались идти дальше под одним плащом, и Фабиан, тщательно скатав его, перекинул через плечо. Затем они продолжали путь среди толпы чужих людей, одетых в черное, мимо освещенных окон и, робко осведомившись несколько раз, отыскивали одноэтажный домик и поселились в светелке наверху.

Светелка была и тесна и холодна, но им она показалась роскошной, а работа скоро поглотила все их помыслы. Спустя несколько недель первая тревога их улеглась, и тяготила их только постоянная нехватка в деньгах, которую они, однако, старались пополнить, бегая по урокам. Так приступили они к водружению своих алтарей и сожжению жертв.

Обои на стенах светелки были серые с белым. На каждом полотнище был изображен нос корабля, на котором стоял Парис, держа в объятиях Елену. Но в одном месте полотнища сходились так, что Парис стоял на четырех ногах, уткнувшись носом в затылок другого Париса. Посередине комнаты стоял старый складной стол. У одной подъемной доски его до поздней ночи просиживал за своими бумагами и книгами Фабиан, у другой – полулежал Эрик в кресле-качалке.

– Ответь мне на вопрос, брат Фабиан, – сказал Эрик однажды вечером, когда они зажгли лампу и звездная карга на абажуре засияла во всем своем блеске. – Как, по-твоему, существует ли такое неведомое чувство, которое можно было бы назвать «всезнанием»? Когда я читаю что-нибудь, мне часто кажется, что я уже наперед знаю почти все, что написано в книге. Мне, в сущности, приходится заучивать одни годы да названия. И весьма редко случается сказать себе: вот наконец нечто, действительно новенькое. Ты, может быть, не согласишься, но я знаю, что сказано у Проперциуса¹, хотя почти и не заглядывал в него. Подчас, когда у нас с тобой едва хватает на обед, мне сдается, что я легче всего заработал бы средства к жизни, если бы попросту сел да написал нечто вроде энциклопедии обо всем, что пережито и передумано на белом свете. Но я отгоняю прочь эту мысль другою приблизительно такого содержания: что за смысл в десятитысячный раз писать о том, что всякому и без того известно наперед?.. Тебе самому не приходило в голову ничего подобного?

---

¹ Проперций Секст (ок. 50 – ок. 15 гг. до н. э.) – римский поэт-элегик

Проперций Секст (ок. 50 – ок. 15 гг. до н. э.) – римский поэт-элегик. К сожалению, нет. Мне, видно, суждено тянуть свою лямку, а ты вместо того, чтобы учиться, весь день сидишь и зеваешь в окно, потом захлопываешь книгу и объявляешь, что все знаешь.

– Но это же правда. Хочешь, сам проверь, спроси меня! Ты часто делал это раньше, брат Фабиан. Представь себе, что знание или, скажем, образование постепенно, в течение столетий, переходит в разряд врожденных воспоминаний, другими словами – инстинктов, так что в конце концов ребенок в люльке знает приблизительно столько же, сколько любой из наших профессоров на смертном одре... Пусть это знание бессознательно, пусть хранится в детском мозгу лишь в виде непроросшего семени, тем не менее хранится! Я твердо верю в это. Иного объяснения я не вижу.

Фабиан встал и спустил занавеску, затем набил трубку дешевым табаком и задымил так, что глаза у него заслезились.

– Это одно высокомерие. Какие намерения были у Фемистокла² относительно супруги и племянницы полководца Эврибиада? Знаешь ты это? Нет. Ergo³ – ты не прав. Садись и учись.

Как старший брат, Фабиан привык, чтобы последнее слово оставалось за ним, особенно, когда он придавал своему голосу оттенок суховатой резкости. И потому он, не ожидая возражений и не тратя времени, прибавил огня в лампе, взял книгу и принялся расхаживать с нею взад и вперед, окружая себя густыми облаками табачного дыма. Полы его грубого полукафтана развевались вокруг его худощавых бедер, и он читал, водя пальцем по строкам, сначала чуть внятно, себе под нос, а под конец совсем громко, будто произнося проповедь. Эрик тем временем захлопнул свою книгу, растянулся во весь рост на кровати и, подложив руки под голову, слушал чтение брата.

Так прошел этот вечер и многие другие.

Зима занесла снегом улицы и крыши домов. С вечера и до утра светились скалы и альпийская хижина, изображенные на оконной занавеске в светелке братьев, и гуляки-студенты иной раз запускали в окошко снежками. Но если в ответ высывалось сердитое лицо, то всегда лицо Фабиана, которому частенько приходилось теперь сидеть в одиночестве. Наконец опять зажурчала вода в канавках, снеговик на соседнем дворе растерял свои глаза-угли, а слезы, текшие по его щекам, так избороздили их, что придали его голове сходство с черепом скелета. Тогда соседские ребятишки, решив, что старик отслужил свой век, разбили его на куски, которые разбросали по земле, и они быстро растаяли, – весна уже вступила в свои права.

Фабиан вставал рано и предпринимал длинные прогулки за город, чтобы любоваться распускавшеюся зеленью, главным же образом для того, чтобы повторять про себя выученное. Поэтому он охотнее всего гулял один.

Однажды теплой майской ночью Эрик загулялся с товарищами и возвратился домой только в шестом часу утра. При мысли о брате ему становилось как-то не по себе, и он несколько раз прошел мимо своих ворот, не решаясь открыть их, как вдруг услышал, что кто-то подходит к воротам со двора. Он прислушался и не обманулся в своем предположении – это был Фабиан.

Эрик вспыхнул до корней волос, быстро отскочил в сторону и спрятался за углом. К его удивлению, Фабиан перешел через дорогу и постучал в окошко чужого домика.

Эрика взяло любопытство, он выглянул из-за угла и увидел, что из-за спущенной занавески показалась чья-то рука, сделала какие-то знаки и скрылась так же быстро, как появилась. Фабиан остался стоять на улице, видимо, поджидая кого-то. Ждать ему пришлось довольно долго, и холодный весенний ветер заставил его поднять воротник кафтана; наконец из дверей

---

² Фемистокл (524–459 гг. до н. э.) – государственный и военный деятель из Афин

³ Ergo – следовательно – лат.

домика вышла девушка с корзинкой в руках, и они вместе пошли по улице. Они не взяли друг друга ни за руку, ни под руку, и на руках девушки не было перчаток.

Когда они скрылись за городом, Эрик твердым шагом направился к своим воротам и с таким стуком захлопнул их за собой, что столбы зашатались, а пауки проснулись и забегали по своим пыльным паутинкам под крышей.

Придя в светелку, он заметил, что брат на этот раз занимался дольше обыкновенного, – табачный дым густым облаком заволакивал комнату. Очевидно, Фабиан работал всю ночь; книги лежали развернутые, кровать осталась несмятой, и масло в лампе все выгорело. Эрик распахнул окно, чтобы освежить комнату.

– Вот так большак! – громко произнес он. – Я бы скорее ожидал, что камни запоют, чем такое произойдет.

И он попытался рассмеяться, но это как-то не вышло. Тогда он подумал: «Полно мне теперь сидеть да корпеть над книгами, слушая нотации; теперь я могу вести себя, как мне вздумается». Но и эта мысль не доставила ему никакого удовольствия. Напротив, он почувствовал себя несчастным и покинутым, сознавая, что нет у него больше никого, к кому он мог бы относиться с безусловным почтением. Словно чья-то грубая рука разбудила его от сладкого сна. За окном щебетали птички и сияло солнце, грохотали тележки молочниц, хлопали ставни, мальчишки продавали букетики скороспелок, но Эрик отвернулся от всего этого.

Фабиан вернулся домой в урочное время. Эрик, закусив губы, молча ожидал обычных упреков. Теперь он знал, что ответить, и горел желанием высказаться начистоту, услышать хоть раз менторские нотки в собственном голосе.

Фабиан вошел, по обыкновению, тихо и осторожно, но, по-видимому, и не помышлял о каких бы то ни было нравоучениях. Напротив, он дружески кивнул брату, набил трубку и тотчас уселся за книги, чтобы продолжать чтение с той же строки, которую за несколько часов перед тем отметил ногтем.

«Каков притворщик! – подумал Эрик. – Ну, по этой части я с ним тягаться не намерен!»

Хозяйка принесла завтрак, и Фабиан, не отрывая глаз от книги, обмакивал сухари в кофе и ел. Тут Эрик почувствовал, как будто змея обвилась у него вокруг сердца. Нет, пусть себе брат сохраняет свой прежний вид, – он-то во всяком случае сразу стал другим.

– Смотри на еду, когда ешь! – сказал он.

Фабиан рассеянно взглянул на брата и продолжал заниматься и есть по-прежнему.

Эрик не дотронулся до завтрака, собрал со стола свои книги в охапку и швырнул их, как попало, на кровать.

– Послушай, Фабиан, – начал он, – разве не тяжело все-таки иметь такой неповоротливый ум, так туго соображать и воспринимать?

– Ты дуришь сегодня, – ответил Фабиан, не отрываясь от чтения.

– Право, если бы мне приходилось сидеть и долбить, как тебе, я, пожалуй, предпочел бы вернуться домой и копать землю, как наш отец, весь свой век.

Ничего не подозревая, Фабиан отодвинул чашку и положил палец на строку, где остановился. Эрик же продолжал свое:

– Ты и сегодня на прогулке повторял пройденное?

– Повторял?.. Не совсем, но я для того и занимался всю ночь, чтобы освободиться на часок и погулять хорошенько.

Он провел в книге новую черту и задумался:

– Боюсь, придется мне бросить учение, что для меня тяжелее всего. Но оно берет много времени, а я слишком беден... да и глаза у меня слабые.

Посмей только Эрик, он ударил бы Фабиана; но он все еще не мог вполне отделаться от представления, что старший брат – какое-то высшее существо, против которого он не мог

взбунтоваться. С другой стороны, это же представление придавало ему мужества и упорства продолжать донимать брата своими замечаниями.

Весь день просидел Эрик дома. На другое утро, в шесть часов, когда Фабиан неслышно поднялся с постели, встал и он. Братья стояли в одних рубашках и глядели друг на друга. Фабиан молчал. Одевшись, они вместе вышли на лестницу. Фабиан был при этом так смущен, что попеременно то застегивал, то распахивал свой кафтан чуть не на каждой ступеньке и только в воротах произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.